

ТЕТРАДЬ ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ И РАЗМЫШЛЕНИЯ

ПУРИМ

12 тем для изучения и обсуждения за праздничным столом

Двенадцать вопросов из урока рава Рафаэля Бенизри «Пурим: праздник, рождённый в изгнании»: праздник без явного чуда, царь, который не носит этого титула, царица, низложенная за отказ показаться, и сирота без отца и матери, которую Мордехай делает своим домом.

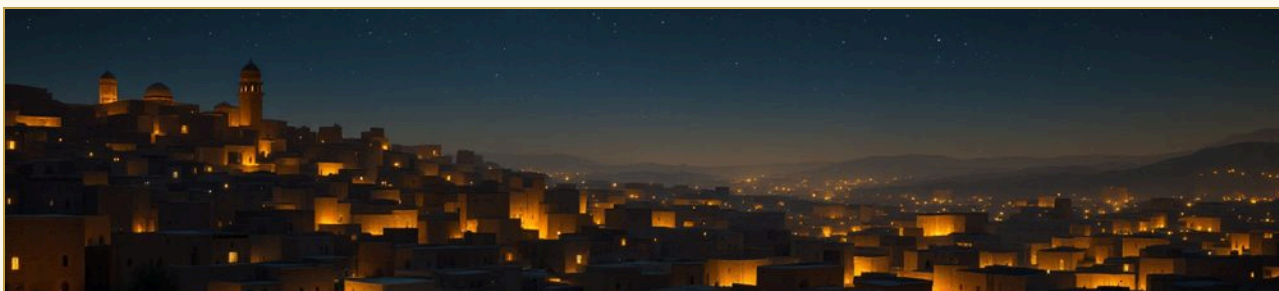
Рав Рафаэль Бенизри

Содержание

Темы для размышления и вопросы для обсуждения за столом Пурима

- 01** Праздник без явного чуда
-
- 02** Стена, которая угнетает и защищает
-
- 03** Свиток не носит имени Мордехая
-
- 04** «И было во дни Ахашвероша»
-
- 05** Сто восемьдесят дней празднеств
-
- 06** Царица, низложенная за отказ показаться
-
- 07** Ни одного еврейского имени в рассказе
-
- 08** Кто такой Амалек сегодня?
-
- 09** Ни отца, ни матери
-
- 10** Благоклонность, а не красота
-
- 11** Шауль пожалел царя Агага
-
- 12** «Он сделал её своим домом»
-

Праздник без явного чуда

ВВЕДЕНИЕ

Пурим — единственный праздник, основополагающее событие которого произошло за пределами Страны Израиля. Ни великого чуда, ни голоса с небес: всё происходит самым естественным образом. И именно этот рассказ, говорит Рав, подготовил строительство Второго Храма.

ВОПРОС

Почему Б-жественное присутствие не может открыться в изгнании так, как оно открылось бы на своей земле?

ОТВЕТ

Эстер — от глагола сатар: скрывать.

Всё происходит при отсутствии Б-жественного откровения: Б-г скрывается, нет никакого великого явного чуда. Таково одно из первых значений имени Эстер. Всё разворачивается самым естественным образом, и событиями управляет скрытая рука.

В изгнании Б-жественное присутствие тоже рассеяно и скрыто внутри общин Израиля. Оно не может открыться ярко, как в Эрец Исраэль, которая есть его маком, его избранное место. Рассказ об Эстер — это рассказ многих еврейских общин в изгнании, и он подготавливает будущее освобождение.

Рав относит рассказ к персидскому владычеству, к IV веку до н. э., в рамках первого изгнания. Ханука, последний праздник, установленный нашими мудрецами, приходится на эпоху Второго Храма; Пурим же родился в изгнании.

ВЫВОД РАВА

Есть скрытая рука, которая действительно управляет всеми событиями.

УРОК ДЛЯ СТОЛА

Повороты нашей жизни редко бывают яркими; они приходят через обыденные встречи, через случайности. Пусть каждый расскажет о своём личном «Пуриме»: о тихом избавлении без видимого чуда. Что задним числом выдавало в нём скрытую руку?

Стена, которая угнетает и защищает

ВВЕДЕНИЕ

Изгнание, говорит Рав, — это утрата идентичности. Оно способствует эмансипации и ассимиляции, и за это приходится платить. И тут Рав делает утверждение, которое тяжело слышать, — о роли ненависти, окружающей еврейский народ в изгнании.

ВОПРОС

Как стена, которая угнетает, может также защищать?

ОТВЕТ

Мегила — свиток, который разворачивают, как открытое письмо всем общинам Израиля.

Культуры народов привлекательны некоторыми своими сторонами, и еврейский народ их усваивает. Хотим мы того или нет, антисемитизм в изгнании образует стену вокруг еврейской идентичности. Пока еврейский народ не обрёл здоровых основ существования, эта стена одновременно и угнетает, и защищает его.

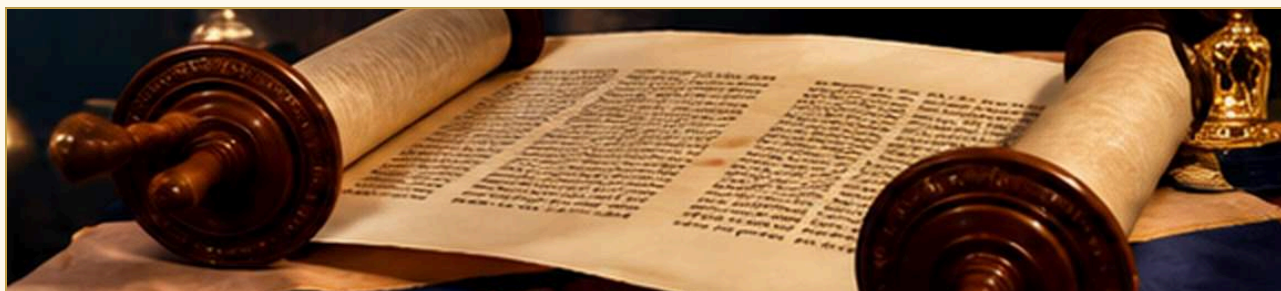
Она защищает его, потому что участвует в пробуждении его идентичности и останавливает эту утрату сути через разные культуры. Мегила это показывает: посреди счастливой ассимиляции возникает Аман — и тогда еврейская идентичность пробуждается.

Поэтому Мегилу при чтении разворачивают, как читали бы открытое письмо, адресованное всем общинам Израиля, чтобы предостеречь их от ростков антисемитизма, которые могут угрожать их существованию.

УРОК ДЛЯ СТОЛА

Свою идентичность часто осознаёшь тогда, когда кто-то её оспаривает. Что в нашей жизни «пробудило» нас к тому, кто мы есть: обидное слово, отвержение, испытание? Как сохранить это сознание, не нуждаясь в противнике?

Свиток не носит имени Мордехая

ВВЕДЕНИЕ

Мордехай — герой рассказа: он раскрывает заговор, поднимает народ, противостоит Аману. И всё же книга носит лишь печать Эстер. Для Рава это не мелочь: с самого начала еврейской истории сопротивление начинается с женщины.

ВОПРОС

Почему каждое великое избавление Израэля начинается с женского начала?

ОТВЕТ

«Всё, что скажет тебе Сара, слушай её голоса» (Берешит 21:12).

Роль женского начала проявляется у самого истока пути Авраама: Б-г велит ему слушать всё, что скажет ему Сара. Освобождение из Египта начинается с сопротивления повитух, и Мирьям — по-своему тоже участница сопротивления. И здесь сопротивление начинается с женского начала.

Этот свиток не называют Мегилат Мордехай. Мордехай — герой рассказа, но Мегила будет носить лишь печать Эстер, потому что цель всякого завершённого цикла замыкает Малхут, царство, атрибут женского начала.

Даже в древе сфирот, перебирая различные атрибуты, доходишь до девятого — до предела того, что может проявиться. Чтобы замкнуть эту цепь, нужен женский элемент: именно он обеспечивает связь между разными звеньями цепи.

УРОК ДЛЯ СТОЛА

Кто в нашей семье «начал» великие повороты — отъезд, алию, возвращение к традиции, примирение? Осталось ли его имя связано с историей, которую мы рассказываем? Что нужно сказать этим вечером, чтобы оно было с ней связано?

«И было во дни Ахашвероша»

ВВЕДЕНИЕ

Первый стих Мегилы содержит деталь: Ахашверош не носит в нём титула царя, хотя повсюду дальше он его носит. А книга открывается словом «ваеи» — оборотом, который наши мудрецы читают как предвестие эпохи бедствий.

ВОПРОС

Что первый стих говорит нам о человеке, управляющем империей, — и почему эта эпоха должна нас тревожить?

ОТВЕТ

«И было во дни Ахашвероша — это тот Ахашверош, что царствовал от Индии до Куша» (Эстер 1:1).

Является ли Ахашверош подлинным наследником царства или тем, кто захватил власть? Всё указывает на то, что он не принадлежал к династии Навуходоносора. Впрочем, первый стих не даёт ему титула а-мелех, царь, тогда как во всей остальной Мегиле он его носит.

Наши мудрецы говорят, что всякий раз, когда читаешь ваеи, речь идёт об эпохе бедствий, причём об эпохе, которая будет повторяться в истории: она не завершила свою траекторию. А повторяющееся прошлое — это катастрофа. Как новый царь Египта, не знавший Йосефа, Ахашверош не питает к еврейскому народу особого уважения.

Напротив: он хотел бы, чтобы еврейский народ не выделялся своим образом жизни и слился с этой попыткой унифицировать культуры под вывеской универсального.

УРОК ДЛЯ СТОЛА

Неуверенная власть часто стремится стереть различия, чтобы стать законной. Где вокруг нас от нас требуют «слиться» ценой того, кто мы есть? И где, напротив, открытость — настоящее богатство?

Сто восемьдесят дней празднеств

ВВЕДЕНИЕ

После трёх лет царствования Ахашверош устраивает сто восемьдесят дней празднеств. Льготы, гражданские права, дарованные меньшинствам: еврейские общины участвуют в национальных праздниках как полноправные граждане. Но наши мудрецы видят в этом исток угрозы Амана.

ВОПРОС

Где была граница, которую евреи империи не сумели сохранить?

ОТВЕТ

«Много дней, сто восемьдесят дней» (Эстер 1:4).

Ахашверош ведёт политику открытости, сближения. Он хочет показать экономические меры, принятые в пользу всех, и законы, дарованные всем народам. Еврейские общины, которые теперь считают себя гражданами этой империи, участвуют в праздниках: для них это способ показать, что они не держатся замкнуто.

Когда наши мудрецы ищут, что породило Амана, они отвечают: ассимиляция не сохранила своих границ, по всей стране распространялось движение секуляризма. Они выражают это так: вся добыча — сосуды Храма — служила гостям во время пира, чтобы показать, что в этих сосудах нет никакой святости и что нужно отказаться от надежды когда-нибудь к ним вернуться.

По мнению наших мудрецов, Ахашверош был даже очень хитёр: он ничего не навязывал — ни в еде, ни в винах. Но за этим последует пробуждение еврейской идентичности через появление Амана.

УРОК ДЛЯ СТОЛА

Участвовать в жизни общества — хорошо, но некоторые предметы, некоторые моменты, некоторые слова не годятся для всего. Что у нас — «сосуды Храма»: то, что мы отказались бы опошлить, даже чтобы доставить удовольствие?

Царица, низложенная за отказ показаться

ВВЕДЕНИЕ

Царь велит Вашти явиться перед собранными министрами, чтобы они увидели её красоту. Она отказывается. Её тут же низлагают — её, племянницу Навуходоносора, которая и придавала законность трону своего мужа.

ВОПРОС

Рассказ открывается историей женщины, наказанной за то, что не захотела, чтобы на неё смотрели. Что говорит нам эта первая глава, где еврейский народ ещё не появляется?

ОТВЕТ

«Чтобы показать народам и князьям её красоту» (Эстер 1:11).

Ахашверош пользуется Вашти, чтобы обеспечить преемственность династии, но не признаёт её места: он зовёт её, чтобы показать, что в ней главное — прежде всего красота, а остальное второстепенно. Это посягательство на личность женщины. К её чести, она воспротивилась, выказав даже презрение к этому человеку, который прежде был всего лишь зрителем конюшен её отца.

Тогда начинают искать новую царицу: конкурс, открытый для всех народов, где каждая культура показывает свои достоинства. Сегодня это выражается в «мисс» той или иной страны — и это всегда женщины, никогда мужчины. Чем выше стоит женское начало в культуре, тем большего уважения она требует; где есть презрение, там уже примитивное понимание общества. А империя впадает в противоположную крайность: мужчина должен оставаться нормой. Мегила обличает этот порок.

Рабби Йехуда а-Леви предостерегает: не поддавайся соблазну красоты, которую показывают другие культуры, не взглянув на то, что внутри.

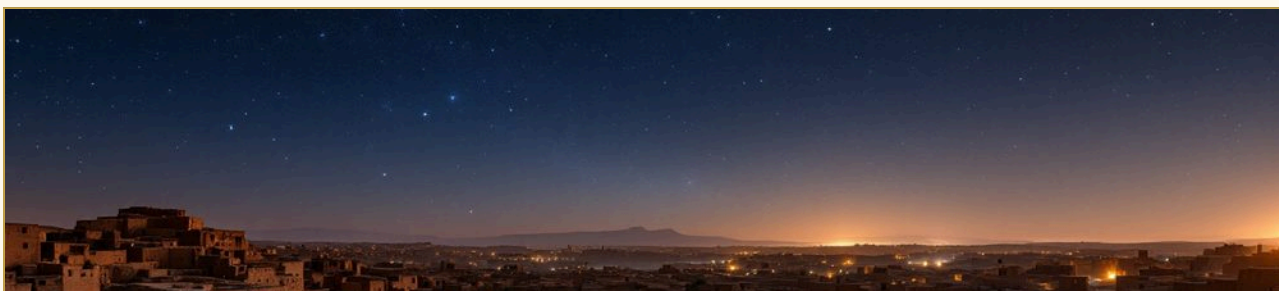
ВЫВОД РАВА

Сила культуры — в том месте, которое занимает в ней женское начало.

УРОК ДЛЯ СТОЛА

Царь хотел, чтобы на его жену смотрели; она предпочла всё потерять. По чему мы у себя измеряем настоящее место женщин в доме — по тому, что о них говорят, или по тому, кем мы позволяем им стать? Что изменилось бы, если бы мы измерили это честно?

Ни одного еврейского имени в рассказе

ВВЕДЕНИЕ

Эстер, Мордехай: если присмотреться, это имена, заимствованные из культуры страны. Эстер напоминает о звезде; Мордехай — о Мардуке, божестве той эпохи. Во всём рассказе нет ни одного еврейского имени.

ВОПРОС

Что говорит об этих евреях то, что они носят имена чужих божеств, — и что они всё же сохранили?

ОТВЕТ

«И был он воспитателем Хадасы, она же Эстер» (Эстер 2:7).

В этом рассказе нет еврейских имён: перед нами имена персидских божеств. Это показывает, насколько евреи открылись культуре своей страны — вплоть до того, что приняли чужие имена. Хадаса — еврейское имя Эстер, но имя, под которым она живёт, — Эстер, звезда.

Если они позволяли себе разделять пиры и национальные праздники с местными властями, то для них это был способ стать частью общества, показать, что они не замыкаются. Открытость была настоящей.

Что же до Мордехая, то прежде чем его представляют великим мудрецом, он — человек, сохранивший свои корни живыми в том, как он определяет себя, как определяет своё еврейство. Он не обрубил связей со своими предками.

ВЫВОД РАВА

Они сохранили заботу о внутренней еврейской идентичности.

УРОК ДЛЯ СТОЛА

Мы часто носим два имени: то, что в паспорте, и то, которым нас вызывают к Торе. Что значит для каждого его еврейское имя? В каких ситуациях мы им пользуемся — и в каких его скрываем?

Кто такой Амалек сегодня?

ВВЕДЕНИЕ

Аман происходит от Амалека, а тот — внук Эсава через Элифаза. Прежде чем читать Мегилу, в Шабат Захор читают отрывок, чтобы помнить об Амалеке и стереть память о нём. Но где его найти сегодня, когда народы перемешались?

ВОПРОС

Если Амалек больше не опознаваемый народ, против кого мы всё ещё ведём эту борьбу?

ОТВЕТ

«Аман, сын Амедаты, агагит» (Эстер 3:1).

Когда Яков бежал от брата, Эсав послал своего сына Элифаза убить его. Элифаз не добил его: он отнял у него всё имущество, думая обречь его на смерть в дороге. Его потомство, Амалек, появляется сразу после исхода из Египта: это первый враг, осмелившийся поднять оружие против народа, идущего в Обетованную землю. И именно его мы описываем через Амана.

Кто такой Амалек сегодня? Некоторые ищут его в том или ином враждебном движении. Но наши учителя говорят, что народы перемешались и опознать, кто есть Амалек, стало очень трудно. Его распознают лишь по его поступкам.

Первый Амалек — это ецер а-ра, злое начало, которое встаёт на нашем пути и ломает наши порывы. Его никогда не побеждают окончательно: он постоянно принимает новые облики. Заставить его встать на службу Небесному царству — вот что требуется от каждого на личном уровне.

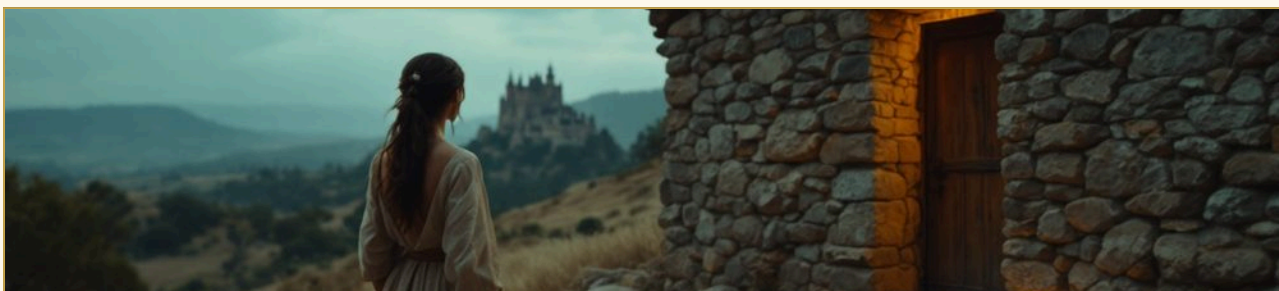
ВЫВОД РАВА

Первый Амалек живёт где-то внутри нас самих.

УРОК ДЛЯ СТОЛА

Легче указать на Амалека снаружи, чем распознать того, кто ломает наши собственные порывы. Какой порыв мы в этом году дали угаснуть? Какой внутренний голос сказал нам, что это того не стоит?

Ни отца, ни матери

ВВЕДЕНИЕ

Мегила представляет Эстер сиротой: «не было у неё ни отца, ни матери». Рав видит в этом прежде всего портрет самой еврейской идентичности — той, которую оторвут от её опекуна, чтобы представить на конкурс империи.

ВОПРОС

Что значит, что идентичность «не имеет ни отца, ни матери», — и почему народ не захотел, чтобы его вёл ангел?

ОТВЕТ

«Если не пойдёт лик Твой с нами, не выводи нас отсюда» (Шмот 33:15).

Среди культур, выставленных на конкурс, есть и эта еврейская идентичность, у которой нет ни отца, ни матери: она — плод развития, личного творчества. Авраам дал миру единобожие, но это ещё не еврейский образ жизни.

Есть даже неприятие тех, кто хотел бы воплощать иудаизм как совершенное выражение своей жизни. В пустыне, когда народ должен был сопровождать ангел, ответ был таков: если не Ты идёшь перед нами, не поручай этого никому. Сам Моше был лишь посредником откровения, потому что весь народ не мог подняться на этот уровень.

И иудаизм не навязывает себя на площади: он не стремится обратить другие народы. Он утверждает себя собственной жизнью; двери открыты для того, кто хочет постучать. Поэтому Эстер, скрытую, нужно оторвать от её опекуна.

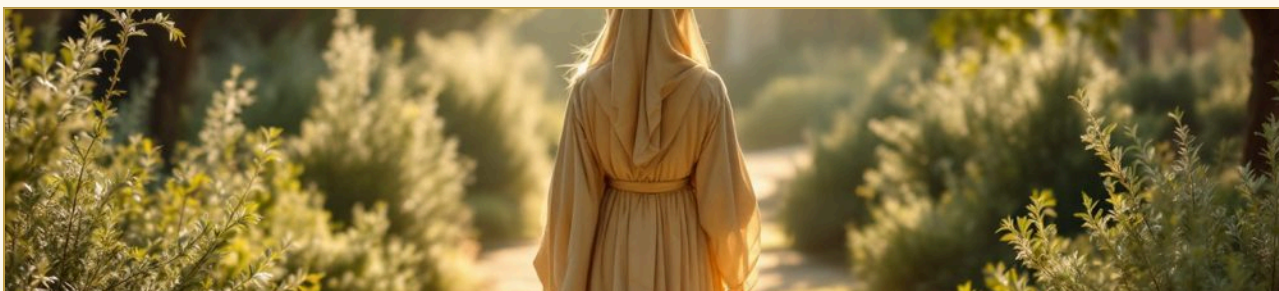
ВЫВОД РАВА

У нас нет человека, который основал иудаизм.

УРОК ДЛЯ СТОЛА

От кого мы получили свой способ жить еврейством: от родителя, учителя, книги — или это личный путь? Не склонны ли мы следовать за человеком, которому подражаем, вместо того чтобы самим искать лик Б-га?

Благосклонность, а не красота

ВВЕДЕНИЕ

Все претендентки империи проходят перед царём, и выбирают Эстер. Рав замечает, что текст прежде всего настаивает не на её красоте: он говорит, что она снискала благосклонность и милость больше всех других.

ВОПРОС

Что такое хен, обаяние, благосклонность, которое выделило Эстер среди всех остальных?

ОТВЕТ

«И снискала она благосклонность и милость его больше всех девиц» (Эстер 2:17); «ангел лика Его спас их» (Йешая 63:9).

Внимание: нам не говорят, что Эстер была красива; по некоторым мнениям, она была уже не очень молода. От этой представительницы еврейской культуры исходило прежде всего обаяние. Вся её красота, и внешняя, и внутренняя, заключалась в этом хене.

Если царь предпочёл её всем остальным, значит, на самом деле среди всех этих претенденток значение имела не внешняя красота, а внутренняя.

Так же и с малах панав, ангелом лика Его, о котором говорит пророк. Ангел, которому верят, — это тот, кто выражает всё своей внутренней сутью, своей волей служить, своей волей отдавать. Он обеспечивает спасение, и он возносит народ на высоту.

УРОК ДЛЯ СТОЛА

Мы часто судим о других — и о себе — по внешности, диплому, успеху. У кого в нашем окружении есть это обаяние человека, который хочет служить и отдавать? Говорили ли мы ему об этом?

Шауль пожалел царя Агага

ВВЕДЕНИЕ

Мегила старательно приводит родословную Мордехая: сын Яира, сына Шими, сына Киша. Киш — отец Шауля. Но имя Шауля не произносится.

ВОПРОС

Почему умалчивается имя царя Шауля в родословной Мордехая — именно тогда, когда предстоит противостоять Аману-агагиту?

ОТВЕТ

«Мордехай, сын Яира, сына Шими, сына Киша, биньяминянин» (Эстер 2:5).

Шауль проявил порыв милосердия к Агагу, царю Амалека, и от него происходит Аман-агагит. Когда хочешь питать милосердие к врагу, в итоге получаешь мощное возвращение того антисемитизма, который оставили тлеть, потому что решили, что не нужно осуждать этого царя и что ему нужно ещё дать шанс.

Мордехай представлен сначала как йехуди — от Йехуды, затем как биньяминянин. Наши мудрецы говорят, что Мишкан стоял на границе двух колен и что отец был из Йехуды, а мать — из Биньямина. Израильское царство, открытое всем культурам, дошло до того, что установило два идолопоклоннических центра, и было разрушено первым; Иудейское царство осталось верным учению вокруг Мишкана. Именно то, что он принадлежит к обоим сразу, составляет силу этого человека.

Человек, которого самого несло изгнание из Иерусалима и который спас еврейскую идентичность своей преданностью Хадасе.

ВЫВОД РАВА

Если упорно питать милосердие к врагу, это милосердие в конце концов обернётся против нас.

УРОК ДЛЯ СТОЛА

Есть снисходительность, за которую заплатят наши дети: что-то, чего мы не сказали, поведение, которое пропустили, чтобы не поднимать шума. Что из этого в нашей семье тянется слишком долго? И кто возьмётся это исправить?

«Он сделал её своим домом»

ВВЕДЕНИЕ

Мордехай берёт сироту к себе: «взял её себе в дочери», лекаха ло ле-бат. Наши мудрецы предлагают читать иначе: не бат, дочь, а баит, дом. И почему стих дважды напоминает, что у неё не было ни отца, ни матери?

ВОПРОС

Что делает Мордехай с потенциалом сироты, предоставленной самой себе, — и что значит «сделать из неё дом»?

ОТВЕТ

«А когда умерли её отец и мать, взял её Мордехай себе в дочери» (Эстер 2:7); «оставит человек отца своего и мать свою» (Берешит 2:24).

Текст говорит, что у неё нет ни отца, ни матери, а затем — что её отец и мать умерли: дважды об этом сообщать было незачем. Значит, это отсутствие нужно поместить на иной уровень — уровень стиха из Берешит: оставит человек отца своего и мать свою. Но ведь у первого человека не было ни отца, ни матери! Эти отец и мать — разум, полученный при рождении, и мидот, врождённые в нас добродетели.

У нас есть врождённый интеллект и унаследованные добродетели; но им нужно дать цуру, форму, вылепить их, овладеть ими. Этим мы занимаемся всю жизнь. Эстер была предоставлена самой себе, без возможности придать форму своему потенциалу: Мордехай взял её на своё попечение.

Он сделал из неё баит, своё жилище. Вначале это была «дочь» — ещё чужие элементы; когда он их усвоил, это стало его домом.

УРОК ДЛЯ СТОЛА

Каждый получил капитал: таланты, характер. Кто помог нам придать ему форму — родитель, учитель, друг? И для кого сегодня мы могли бы сыграть эту роль Мордехая: взять на попечение потенциал, оставленный на произвол судьбы?